

КУКУШОНОК-2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александра Волкова

18+

Ксения Волкова

Чужая

<https://litres.ru/73814311>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ксюша — девочка без совести, без жалости, без любви. Идеальный хищник в человеческой оболочке. Она привыкла побеждать, привыкла управлять людьми, привыкла считать себя самой умной.

Но в Нью-Йорке что-то изменилось. Ночные кошмары, от которых она просыпается мокрой от пота. Дрожь в руках перед закрытой дверью.

Ксюша привыкла быть кукловодом. Она не знала, каково это — самой стать марионеткой.

Продолжение «Кукушонка». Теперь история - её глазами. История о том, что самый опасный хищник тот, кого ты принял за жертву.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	64
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ксения Волкова

Чужая

Глава 1

Гул. Низкий, утробный, проходящий не сквозь уши, а сразу сквозь кости. Он начинался где-то за горизонтом, нарастал, давил на перепонки, заставляя дешевые стеклопакеты мелко дребезжать в пазах, и уходил дальше — в сторону океана или Манхэттена.

Шесть утра.

Я перевернулась на спину, глядя в потолок. На белой штукатурке — желтое пятно, похожее на карту Австралии. Или на мужской профиль, если прищуриться. Спать не хотелось. Вернее, организм требовал отключки, но мозг уже щелкнул тумблером, запуская рабочие протоколы.

Встала, пошарила в аптечке. Блистер с пустырником, вывезенный еще из той, прошлой жизни, был пуст. Последние две таблетки я сожрала ночью, надеясь обмануть измученную психику. Не помогло. Плацебо для сентиментальных дур.

Ньюарк, штат Нью-Джерси. «Отличный район, сейф эриа, развитая инфраструктура». Агенты по недвижимости везде одинаковые. Что в Москве, что здесь — порода людей, у ко-

торых совесть ампутирована при рождении вместе с пуповиной. Им бы со мной посоревноваться в цинизме, да кишка тонка. «Тихая квартира». Ага. А то, что международный аэропорт Либерти практически у меня на балконе — это так, мелкая деталь. Бонус для любителей споттинга.

Надо было смотреть карту. Надо было ехать самой, щупать стены, нюхать воздух в подъезде, а не верить глянце-вому 3D-туру на сайте. Развели, как лохушку. Сама виновата. Считала себя самой умной? Получите распишитесь. Контракт на полгода, неустойка — конская.

Ну и ладно.

Я спустила ноги с кровати. Пол холодный. Ламинат — самый дешевый, пластиковый, скользкий. Здесь всё какое-то игрушечное, ненастоящее, словно декорации для ситкома про неудачников.

Может, оно и к лучшему. Сейчас быстро собраться, прыгнуть в машину — и на мост. Проскочу до утренних пробок, пока офисный планктон Джерси не хлынул покорять Большое Яблоко.

Кухня — одно название. Два шага от кровати. Чайник щелкнул, выплевывая облачко пара. Дрянной растворимый кофе в кружке с надписью «I Love NY» (еще одна ложь, я его терпеть не могу) превратился в черную жижу. Вкус — как у жженой резины. Потом — душ. Кабинка тесная, локтями бьешься о стенки, шторка липнет к телу, как назойливый ухажер. Вода уходит плохо. Я вылезла, шлепая по луже.

Вытирать? К черту, лень. Само высохнет. Энтропия растёт, и борьба с ней на уровне лужи в ванной — бессмысленная трата калорий.

Стоя перед зеркалом и накладывая тон, я поймала свой взгляд. Холодный. Пустой. Идеальный.

Зачем я это делаю? Вопрос всплыл привычно, как уведомление на экране смартфона. Смахнуть не получилось.

Вокруг полно идиотов. Вон, вчера в баре — тот «финансовый аналитик» с бегающими глазками. Или вообще, далеко ходить не надо — лэндлорд, пуэрториканец с золотой цепью толщиной в палец. Они же считываются на раз. Пара улыбок, правильный наклон головы, немного лести — и они вывернут карманы. Я могла бы жить в пентхаусе, пить нормальный кофе и не знать, что такое шум турбин по утрам.

Но нет. Я играю в «сэлф-мэйд». «Всё сама». Гордость? Глупости. У меня нет гордости, это эмоция, а эмоции — это химия. Желание искупить вину? Перед кем? Перед ним? Перед матерью? Смешно. Вина — это социальный конструкт для управления стадом. Я не чувствую вины, как дальтоник не видит красного цвета. Я знаю, что она должна быть, но спектр пуст.

Значит, просто квест. Повышенный уровень сложности. Жить на всем готовом — это «Tutorial». Скучно. А вот выжить в этом пластиковом аду, построить всё с нуля, используя только свои мозги и, так сказать... навыки — это уже «Hardcore».

Я закончила с тушью. Идеально. Ладно, хватит рефлексии. Уровень загружен, мобы расставлены. Пора играть.

Официально это называется «офис-менеджер частной практики». Звучит солидно. Почти как «вице-президент по скрепкам». На деле — девочка на побегушках у доктора Марвина. Элитный психолог. Светило, гуру, последняя надежда нью-йоркской элиты, у которой денег больше, чем серотонина.

Попасть к нему — это как получить аудиенцию у Папы Римского, только дороже. Моя роль проста: улыбаться, варить кофе (обязательно из зерен «Blue Mountain», иначе он морщится, как от зубной боли), согласовывать окна в расписании и бесконечно извиняться перед теми, кого он кинул.

— «Простите, миссис Стейтон, у доктора экстренный консилиум». Ага. Консилиум с бутылкой виски и возможно с кем-то, кого я пока не знаю, но обязательно узнаю, это только вопрос времени.

Для восемнадцатилетней эмигрантки без диплома и истории это не просто работа. Это наблюдательный пункт. Высота, с которой отлично простреливается всё поле боя. Марвин — интересный экземпляр. Босс уровня «Hard», с кучей очков брони и сопротивлением к магии. Женат на кошельке. Причем кошелек этот с такой фамилией, что её лишний раз вслух не произносят — боятся вызвать дух предка-основателя. Поэтому Марвин не палится. Уровень конспирации — «Бог». Никаких следов, никаких переписок, чистый теле-

фон. Но я вижу. По микровыражениям, по запаху чужих духов, который он пытается забить своим дорогушим парфюмом, по тому, как он дергает галстук.

Как я вообще сюда попала? О, это отдельная история. Красивая партия, сыгранная по нотам. Но сейчас не об этом.

Я села в машину. Старая «трёшка» BMW. Ровесница теракта одиннадцатого сентября и выглядит примерно так же, как башни-близнецы после встречи с самолетами. Ржавчина на порогах цветет пышным цветом, как плесень на забытом сыре. Поворот ключа. В ответ — тишина. И презрительный щелчок реле.

— Ну же, — тихо сказала я, глядя на приборную панель, где тускло горели оранжевые огоньки. — Не беси меня.

Машина молчала. Она чувствовала мою ненависть и платила тем же. Мы с ней были в токсичных отношениях: я заливала в неё бензин и масло, она высасывала из меня деньги и нервы.

— Я тебя на свалку сдам, — пообещала я. Спокойно, без истерики. — Прямо сегодня. Тебя превратят в кубик металла метр на метр. Поняла? Угроза сработала. Или просто контакт в стартере наконец-то замкнулся. Мотор чихнул, закашлялся, словно туберкулезник, и неохотно завелся. Вибрация пошла по кузову, отдаваясь в руль. Сзади вырвалось сизое облачко — привет экологии штата Нью-Джерси.

Ладно. Живем. Я включила передачу. Впереди, за рекой Гудзон, поднимался в серое небо город, который никогда не

спит. Банальная фраза. На самом деле он спит, просто у него бессонница, лечить которую едут как раз к таким, как мой босс. Я ехала лечить его другим способом.

Надежда проскочить «до пробок» умерла где-то на середине моста Вашингтона. Впереди, в серой мороси, мигали аварийки. Кто-то кого-то догнал. Банальная история: одно неловкое движение рулем, и тысячи людей теряют полчаса жизни. Я потеряла сорок минут. А потом туннель Линкольна. Еще и там потолкалась. Пока торчала на мосту, пробки пришли и сюда.

Пальцы выбивали дробь на потертом руле. Марвин ненавидит опоздания. Он педант. У него время расписано по минутам, и если график сбивается, у доктора начинается нервный тик, который он безуспешно пытается выдать за задумчивость. Пару раз мне уже прилетало. Несправедливо, конечно. В Москве пробки — это стихия, форс-мажор, уважительная причина. Здесь — признак плохой самоорганизации. «Вы должны были учесть трафик, Ксения». Да пошел ты.

Мидтаун встретил меня каменными стенами и запахом выхлопных газов, который здесь, кажется, заменяет кислород. Наше здание — шпиль из стекла и стали, протыкающий низкое небо. Подземный паркинг — отдельное царство. Стерильное, светлое, пахнущее дорогой резиной. Моя старушка-«бэха» с проржавевшим крылом смотрелась здесь как бомж, случайно забредший на приём в Белый дом. Вокруг —

сытые, лоснящиеся «Мерседесы», хищные «Порше» и беззвучные «Теслы».

Я загнала машину на свое место. Узкое, неудобное, у самой колонны, но — мое. Выбить его из Марвина было задачей со звездочкой. Пришлось включить режим «бедной девочки в опасном городе». Широко распахнутые глаза, дрожащий голос, история про маньяка в метро... Марвин купился. У него слабость к спасению заблудших душ, особенно если эти души молоды и симпатичны. Платить за парковку на Манхэттене из своего кармана — это безумие. А общественный транспорт... Нет. Я лучше буду стоять в пробках, чем тереться плечами о потных неудачников в подземке. У меня аллергия на чужую безнадежность.

На выходе из лифта — пост охраны.

— Хай, мисс Зиния! — Джимми, огромный чернокожий охранник, расплылся в улыбке.

— Привет, Джимми! — отозвалась я.

На лице — улыбка номер четыре: «Радость от встречи со старым другом». Тридцать два зуба? Нет, у меня их, кажется, все сорок четыре, как у акулы. Джимми — полезный юнит. Он знает, кто и когда приходит, кто задерживается, кто с кем уезжает. С Джимми надо дружить.

Лифт вознес меня на сорок восьмой этаж, заложив уши. Двери разъехались. Офис доктора Марвина. Здесь пахло деньгами. Не теми шальными, кричащими деньгами, что в клубах, а деньгами старыми, спокойными, уверенными в се-

бе. Приемная небольшая, но каждый квадратный дюйм вопит о статусе. Стены обиты панелями из какого-то редкого дерева, ковер глушит шаги, свет мягкий, рассеянный, не режущий глаз.

Моя вотчина — стойка администратора. Массивный дуб, мрамор, техника Apple. Я здесь — Цербер. Цербер с внешностью ангела. За моей спиной — святая святых, кабинет Марвина. Там вершатся судьбы, ломаются психики и выпиваются чеки с пятью нулями.

Босса еще не было. Отлично. Я прошла в кабинет. Огромное окно во всю стену — вид на город, от которого захватывает дух (у клиентов) и подташнивает (у меня). На подоконнике — ряд орхидей. Капризные твари, требующие особого режима полива и влажности. Я плеснула им воды. Живите. Пока я добрая.

Вернулась за стойку. Теперь — кофе. Настоящий, из профессиональной машины, а не та бурда, что была утром. Густой, ароматный, черный, как моя душа. Я сделала глоток, откинулась в кресле и взяла телефон. Всё готово. Бумаги разложены по линеечке, расписание выверено, почта отсортирована. Я — идеальная функция. Я — тот самый винтик, без которого этот дорогой механизм начнет сбойть. Марвин думает, что это ему повезло. Что он нашел жемчужину в навозе. Пусть думает. Иллюзия контроля — самая сладкая из иллюзий.

Я умею ждать. В конце концов, вся моя жизнь — это охота

из засады.

Айфон я отложила через пять минут. Скучно. Лента новостей — это поток информационного шума, создаваемый идиотами для идиотов. Котики, мотивационные цитаты на фоне закатов, чьи-то напомаженные лица с фильтрами, стирающими носы. Я смотрела на это с интересом биолога, разглядывающего колонию бактерий в чашке Петри. Они суеются, делятся, жрут друг друга. Забавно, но быстро надоедает.

Экран погас, превратившись в черное зеркало. И в этой черноте вдруг всплыло то, что я так старательно архивировала и прятала в папку «Trash» своего мозга.

Пять лет назад. Москва. Ноябрь.

Я помню тот цвет неба — цвет грязной ваты, которой закнули все щели, чтобы не дуло из космоса. Оно висело так низко, что хотелось пригнуться. Мы уезжали в никуда. Я и он. Вдвоем. Тогда мне казалось, что я выиграла в лотерею, где шанс на победу — один на миллиард. Я сорвала джекпот. Я забрала главный приз. И я, честно, старалась соблюдать условия контракта. Я обещала стать «нормальной». Переписать код, перепрошить BIOS. Стать такой, как все эти люди на улице — серой, понятной, безопасной единицей биомассы. Слиться с толпой.

Получилось? Ну, скажем так, маскировка работает. Текстуры прогрузились.

А внутри? Я задала себе вопрос, который любят задавать

в дешевых мелодрамах. Испытываю ли я угрызения совести? За то, что сделала с ним. За то, как технично, словно скальпелем, отрезала его от семьи, от прошлого, от самого себя. Если бы совесть существовала как орган — наверное, она должна была бы болеть. Как воспаленный аппендикс. Тянуть, ныть, не давать спать. О ней написаны тысячи книг, сняты сотни слезливых фильмов. Великий моральный компас. Категорический императив Канта.

Я прислушалась к себе. Тишина. Ничего не болит. Ничего не ноет. Компас не работает, стрелка болтается свободно. Или у меня просто нет магнитного поля? Ау, совесть! Прием. В ответ — только шорох кондиционера.

Похоже, совесть — это просто социальный конструкт, придуманный слабыми, чтобы управлять сильными. Уздечка. Ошейник. А я — дикий зверь, которого научили носить ошейник, но забыли пристегнуть поводок. Я не чувствую вины. Я чувствую лишь легкую досаду от того, что приходится тратить ресурсы на эту рефлекссию. Старею, что ли? Или это побочный эффект местной атмосферы?

Дверь распахнулась без стука, разрезая мои мысли. Доктор Марвин. Явление Христа народу, версия манхэттенская, улучшенная. Идеальный костюм (такие шьют на заказ в Лондоне, и стоят они как моя машина), запах дорогого парфюма — сложный, с нотками сандала и власти. И улыбка. Та самая, за которую ему платят по пятьсот долларов в час.

— Hi, Xenia! — голос бархатный, глубокий. Профессио-

нальный инструмент.

— Good morning, doctor Marvin! — отозвалась я.

Моя улыбка ничем не хуже. Даже лучше, потому что за ней — пустота, а не усталость. Щелк. Тумблер переключен. Рефлексия окончена. Рабочий день начался. Страдать мне некогда, да и не умею я. А вот работать — умею.

«Зиния». Так они это произносят. Первый слог — звонкий, жужжащий, как у назойливой мухи. Последний — размазанный. Американская челюсть не приспособлена для русского «Кс». Для них это фонетическая полоса препятствий, спотыкание на ровном месте. «Зиния» — это что-то цветочное, безопасное, пластиковое. Цветок в горшке, который поливают раз в неделю.

Меня это бесит. До зубовного скрежета. Ксения — это звучит как выстрел. Ксения — это «чужая», «гостья» с греческого, но в русском звучании это сталь и лед. Гордо. Аристократично. А «Зиния»... Сразу всплывает образ бабы Зины в синем халате, пересчитывающей мелочь в сельпо где-то под Воронежем.

Я могла бы сменить имя. Взять что-то нейтральное, местное. Кейт? Джессика? Эмили? Но я не стала. Это не сентиментальность. У меня нет сентиментальности. Это — якорь. Контрольная сумма файла. Последнее, что осталось от той меня, настоящей, из прошлой жизни. Если я сотру имя, я растворюсь в этом сиропе. Имя делает меня мной. Пусть ломают язык. Пусть спотыкаются.

Марвин деловито прошагал в свой кабинет, на ходу проверяя запонки. Дверь закрылась с мягким, дорогим звуком. Время ритуала.

Я подошла к кофемашине. Двойной эспresso, без сахара, температура воды 92 градуса. Не 90 и не 95. Именно 92. Он не знает цифр, он просто чувствует вкус, но я-то знаю физику процесса. Это база. Выучить привычки жертвы — это первый курс. Азбука. Но высший пилотаж — это предугадывание.

Когда потребности человека удовлетворяются за секунду до того, как они сформировались в его лобных долях, происходит магия. Не та, о которой пишут в фэнтези, а настоящая, биологическая. Ты подаешь кофе в тот момент, когда у него только пересохло в горле. Ты открываешь окно, когда ему только стало душно. Ты молчишь, когда он хочет тишины. Человек попадает в кокон. В теплую, липкую паутину абсолютного комфорта. Ему там хорошо. Ему там безопасно. Он перестает тратить энергию на бытовую энтропию.

А потом... потом ты просто делаешь шаг назад. И всё. Ему становится холодно. Ему страшно. Мир вдруг оказывается колючим, неудобным и враждебным. И его начинает тянуть обратно — к тебе. К источнику тепла. Это работает безотказно. Будь ты хоть трижды светило психологии, будь у тебя хоть вся стена в дипломах Гарварда и Йеля — ты всё равно примат. Ты животное, которое ищет, где теплее и сытнее. Марвин думает, что он анализирует людей. Наивный.

Он просто сидит на игле моего комфорта, и доза с каждым днем растет.

Машина зашипела, выливая в фарфор густую черную струю. Идеально. Я взяла чашку. Игра продолжается.

Глава 2

С Марвином нельзя торопиться. Он психолог экстра-класса. Это значит, что он видит ложь так же ясно, как я вижу грязь на ботинках курьера. Его мозг — это хорошо отлаженный сканер, настроенный на поиск фальши, неврозов и манипуляций. Поэтому моя тактика — не атака. Моя тактика — диффузия. Я должна проникать в его пространство медленно, миллиметр за миллиметром, как газ без цвета и запаха. Я должна стать не просто удобной функцией, а частью его метаболизма.

Ему платят не за красивые глаза и не за диплом на стене. Ему платят за то, что он умеет чинить дорогие, сложные и очень опасные игрушки. «Акции» доктора Марвина взлетели до небес примерно месяц назад. Он вытащил из петли (фигурально, а может, и буквально) генерального директора одной корпорации. Название вслух не произносят, но эти ребята делают «умные бомбы» для Пентагона. Клиент оказался болтливым. Интервью на Fox News, пара фраз о «чудотворце» — и телефон в офисе раскалился, я едва успевала отвечать. Марвин морщился. Он не любит шумиху. Он предпочитает тихие деньги и проверенных психопатов.

Но вчера его отлаженная годами система дала сбой. В приемную вломилась миссис Эшли. Конгрессвумен. Женщина-танк. Женщина-бетономешалка. Возраст неопределен-

ный — где-то между пятьюдесятью и вечностью, лицо затянуто, как барабан, костюм от Chanel сидит как броня. Рекомендаций — ноль. Записи — нет. Она просто шла вперед. На меня она посмотрела даже не как на грязь. Грязь хотя бы замечают, чтобы обойти. Я для неё была чем-то вроде пыли, которая кружится в воздухе, но не стоит даже того, чтобы обращать на неё внимание.

— Доктор Марвин занят... — начала было я.

Два шкафа с гарнитурами в ушах, двигавшиеся за ней теньями, молча оттерли меня к стене. Профессионально. Без злобы. Просто отодвинули, как мебель. Я едва не впечаталась лопатками в штукатурку. Дверь кабинета распахнулась, и этот ураган в юбке втянуло внутрь.

Вечером Марвин пил. Не просто пил — напивался в хлам. Дорогой односолодовый виски, который он обычно цедит по капле, сегодня лился в стакан щедрой рекой. Он подозревал меня не как секретаршу. Ему нужны были свободные уши. Контейнер для слива токсичных отходов.

— Старая сука! — рявкнул он, глядя на янтарную жидкость. — Ты представляешь, Зиния?

Я кивнула. Имя резануло слух, но лицо осталось непроницаемым, привыкла уже. Маска сочувствия приклеилась на мертво.

— Она переживает, что муж ей изменяет! — Марвин смеялся каким-то странным, каркающим смехом. — Да я бы на его месте сбежал в Антарктиду! К белым медведям (аме-

риканцы плохо дружат с географией). Как он вообще выжил рядом с ней? Это же не женщина, это... я не знаю... атомный ледокол! Задавит кого угодно! Он опрокинул стакан. — И знаешь, чего она хочет? Чтобы я его «починил», как сломанную игрушку. Чтобы я «выбил дурь» из его головы и вернул в стойло. Ей самой нужна лоботомия, а она тащит ко мне жертву! А как она со мной говорила? Как со своим дворцом, который по одному её взгляду должен метнуться и выполнить любое ее желание!

Я молчала. Слушала. Кивала в такт его гневу. Сейчас он был открыт, уязвим. Броня профессионализма, которую он носил как вторую кожу, треснула. Алкоголь и стресс развели края раны, и в эту щель можно было просунуть что угодно. Хоть нож, хоть идею. Я выбрала второе.

— Может быть, — тихо сказала я, глядя в пол, как и предполагается скромной помощнице, — ей нужен не результат, а процесс? Если вы откажетесь «чинить» мужа, она уничтожит вашу репутацию. Но если вы начнете с ней «работать» над тем, как *правильно* влиять на мужа... вы сможете переключить её внимание на себя. С ней ведь никто не разговаривает как с равной. Все боятся.

Я замолчала. Это был ва-банк. Секретарша не дает советы светилам психологии. Секретарша приносит лед. За такое увольняют. Марвин замер. Стакан застыл у рта. Он медленно повернул голову, глядя на меня мутным, нетрезвым взглядом. В его мозгу сейчас вращались шестеренки, пере-

варивая чужеродный код.

— Как с равной... — пробормотал он. — Переключить внимание... Взгляд прояснился. — А ведь в этом что-то есть, — сказал он уже другим тоном. — Парадоксальная интенция. Дать ей власть, чтобы забрать контроль. Хм...

Он не понял. Он решил, что это его мысль. Что это его гениальный мозг, стимулированный виски, родил решение. Я едва заметно улыбнулась уголками губ. Вирус внедрен. Защитные системы пропустили его, приняв за собственный лейкоцит. Теперь я не просто мебель. Я — соучастник. А соучастников не увольняют. Их берегут.

Марвин выставил меня за дверь в четыре. Похоже, у него намечался сеанс видеосвязи с любовницей, или он просто решил предаться меланхолии в одиночестве. Мне плевать. Ехать домой? В ту бетонную коробку, где каждые три минуты дрожат стекла от заходящих на посадку «Боингов»? Нет, спасибо. Я и так сплю урывками, вздрагивая от гула турбин, словно живу не в Нью-Джерси, а на авианосце.

Я вышла на улицу. Мидтаун шумел. Этот шум здесь не прекращается никогда, он просто меняет тональность. Днем это басовитый гул, ночью — истеричная сирена. Я направилась к Центральному парку. Смешно. Семь месяцев в Штатах. Семь месяцев я грызу этот город, как крыса — бетонную перегородку, пытаюсь пролезть к теплу. И ни разу не была в парке. Всё некогда. Всё «закрепление на плацдарме». Война не терпит туристов.

Середина марта. В Москве сейчас ад. Я помню этот месяц: небо цвета мокрого асфальта, под ногами — ледяная каша, смешанная с реагентами, которые разъедают обувь за неделю. Воздух пахнет выхлопом и безнадеей. А здесь... Плюс восемнадцать. Солнце, наплевав на календарь, жарит вовсю, хотя уже и клонится к закату, золотя верхушки небоскребов. Люди идут в расстегнутых куртках, жуют претцели, улыбаются. Ненавижу, когда они так улыбаются. Без причины. Просто, потому что солнце. Ну, окей, солнце. И что?

Я вошла в парк. Зелень (и это в марте!). Дорожки. Запах лошадиного навоза (туристы любят кататься в каретах, идиоты) и жареного арахиса. Я шла, не глядя по сторонам. Декорации меня не волновали. В голове, как назло, щелкнул затвор, и опять полезло то, что я так старательно трамбовала в дальние углы памяти.

Пять лет. Сколько же всего произошло за эти пять лет... Целая жизнь, втиснутая в этот, в общем-то небольшой промежуток времени. Сколько я продержалась с Пашей? Полгода? Восемь месяцев? Уже и не помню толком. Он оказался бракованным юнитом. Слабым. Я думала, что получила в руки пластилин, из которого вылеплю всё, что захочу. А это оказалось дерьмо. Оно не держит форму, растекается и воняет. Он запил. Банально, скучно, по-русски. Бизнес у него отжали — Лиза, при всей своей мягкотелости, вцепилась в активы мертвой хваткой. Из гимназии меня с радостью вышвырнули — папаша Пашкин постарался, старый хрыч. Мы

скитались по каким-то клоповникам, съемным квартирам с тараканами и запахом чужой старости. Я смотрела на него — обрюзгшего, вечно пьяного, ноющего о «потерянном рае» — и чувствовала только брезгливость. Я вернула его. Сдала обратно по гарантии. Убедила вернуться в семью, к Лизе. И она, как ни странно, приняла. После всего, что было, даже то, во что он превратился. Святая женщина. Или просто дурра. Впрочем, это синонимы.

И что это опять? Второй раз за день. Совесть? Откуда? Или я просто снова пытаюсь заставить себя нащупать хоть тень вины? За разрушенную семью, за Пашу, за то, что сделала с матерью... Пусто. Как в выключенном телевизоре. Темный экран и тишина. Это ведь просто факты. Был ресурс — ресурс исчерпан. Была угроза — угроза устранена. Биология. Эволюция. Выживает не самый добрый, а самый эффективный. Захотелось заплакать — просто чтобы проверить слезные железы. Не вышло. Глаза сухие.

А потом... был ещё «объект», но об этом даже вспоминать не хотелось. И ещё...

Ладно. Хватит! Я развернулась, спиной к заходящему солнцу. Прошрое — это отработанная ступень ракеты. Она сгорела в атмосфере, и черт с ней. Главное, что капсула летит дальше. Я заложила первый кирпич. Марвин — это мой фундамент. Крепкий, надежный, богатый фундамент моей новой, счастливой жизни.

Ноги сами принесли меня обратно к офисному зданию.

Моя «бэха» ждала в подземелье. Домой. В аэропортное гетто. Но когда я садилась в машину, у меня внутри вдруг что-то шевельнулось. Странное чувство. Не страх, не радость. Предчувствие. Как будто воздух наэлектризовался перед грозой. Как будто кто-то невидимый бросил кости, и они еще катятся, но я уже знаю, что выпадет шестерка. Что-то грядет. Что-то очень хорошее. Или очень плохое. Для меня разница невелика, главное — это изменит расклад. А интуиция меня практически никогда не подводит. Я — хищник, а у хищников чутье развито лучше, чем совесть.

Домой я ехала с ощущением, будто проглотила ледяной кубик, и он никак не может растаять где-то в районе солнечного сплетения. Сбой. Системная ошибка. Я не сентиментальна. Сентиментальность — это удел тех, у кого слишком много свободного времени и слишком мало проблем. Я сухарь. Я черствая корка, о которую можно сломать зубы. Но сегодня защита дала трещину. Фантомные боли совести? Или просто усталость металла?

Вечер прошел по сценарию «одинокчество в сети». Пицца «Пепперони» — жирная, вредная, с двойным сыром. Углеводная бомба для мозга. И «Гарри Поттер» на экране. В сотый раз? В двухсотый? Станный выбор для социопатки, да? Сказка о мальчике, который выжил благодаря маминой любви. Чушь собачья. В жизни мамина любовь обычно душист, а выживают те, кто бьет первым. Но я смотрела. Смотрела, как двигаются картинки, зная каждую реплику, каж-

дый взмах палочки. Это не интерес. Это белый шум. Это как смотреть на огонь или на то, как стиральная машина крутит белье. Гипноз ритма.

Уснуть не могла до трех. Ворочалась, сбивая простыню в ком. Мозг отказывался отключаться, прокручивая обрывки диалогов, лиц, старых страхов. Старею? Или просто Нью-Йорк высасывает энергию, как дементор?

Утро встретило меня состоянием «батарея разряжена». В зеркале отражалось нечто помятое, с тусклыми глазами.

— Соберись, тряпка, — сказала я отражению. Отражение криво ухмыльнулось.

Кофе. Двойная доза. Черная нефть, вливающаяся в вены. Контрастный душ — ледяная вода, чтобы кожа вспомнила, как надо быть упругой. А потом — броня. Белая блузка, накрахмаленная до хруста. Юбка-карандаш, подчеркивающая бедра, но не дающая ни малейшего намека на доступность. Туфли на шпильке — оружие ближнего боя. Макияж — не раскраска, а маскировка. Тон, корректор, немного румян (изображаем здоровье и жизнерадостность), тушь. В зеркале больше не было помятой девчонки. Там стояла акула в человеческом обличье. Хищная, красивая, опасная. Готовая к охоте.

Сегодня тот самый день. Миссис Эшли, старая калоша, притащит своего мужа. Я вышла из дома, чувствуя, как внутри натягивается струна. Азарт. Вкус железа на языке. Это чувство знакомо любому игроку, который садится за стол,

еще не видя карт, но уже зная: сегодня колода к нему благосклонна. Сегодня он вытащит из нее козырной туза. Без вариантов. Я знала: этот день станет поворотным. Точкой бифуркации. Моментом, когда количество переходит в качество.

Дорога — привычный ад. Пробки тянулись, как жевательная резинка, прилипшая к ботинку. Но меня это уже не бесило. Я была в потоке, в вайбе. Паркинг.

— Хай, Джимми! — махнула я рукой.

— Доброе утро, мисс Зиния! Вы сегодня сияете!

— О да, Джимми. О да.

Сорок восьмой этаж. Лифт выплюнул меня в прохладу офиса. Я встала за стойку, положила руки на прохладный мрамор. Секунды до Часа Икс неотвратимо тикали на настенных часах. Стрелки сходились, как лезвия ножниц. Ждем.

Как я здесь оказалась? Вопрос риторический. Со стороны это выглядит как классическая история Золушки в декорациях Нью-Джерси. Бедная русская девочка, без грин-карты, без «волосатой лапы», без папиных миллионов, вдруг получает место в святая святых. Чудо? Провидение? Американская мечта? Чушь. Чудес не бывает. Бывает хорошо спланированная операция и правильное распределение ресурсов.

Схема была простой. И сложной — для обычного человека, обремененного моралью. Я себя к таковым не отношу (ха-ха три раза). Сначала — сбор данных. Net-stalking. Я перерыла профильные форумы, чаты, закрытые группы в Фейс-

буке, где нью-йоркские мозгоправы выпускают пар после сеансов с истеричками. Я узнала, где они пьют, с кем спят и о чем ноют. Марвин в эти тусовки не ходит, он птица высоко-го полета. Но про него говорят. О, про него много говорят. Зависть — отличный источник информации.

Второй этап — внедрение. Мне нужна была «точка входа». Ею стала действующая секретарша Марвина. Милая, болтливая дурочка. Мы «случайно» познакомились в кофейне, «случайно» нашли общие темы. Через две недели мы были «best friends forever». А потом... потом случилась неприятность. Она чем-то очень серьезно отравилась. Жуткая интоксикация, реанимация, долгая реабилитация. Врачи разводили руками — то ли редкий вирус, то ли несвежие суши, то ли индивидуальная непереносимость жизни. Честное пионерское, я тут ни при чем! Мамоу клянусь (очень смешная шутка, учитывая, где сейчас моя мама). Просто так совпало. Энтропия иногда подскакивает в локальной точке пространства. Особенно если ей помочь. Она выбыла из игры на полгода. Слот освободился.

Третий этап — массированная атака. Мои новые «друзья» из тусовки психологов, обработанные мною заранее, начали петь в унисон. «Слушай, Марвин, у меня тут есть девочка на примете...», «Аккуратная, скромная, ищет работу...», «Русская, очень исполнительная...». Это называется «социальное доказательство». Когда тебе говорят одно и то же с трех разных сторон, мозг начинает считать это собственной идеей.

Была, правда, еще одна кандидатка. Профессионалка с резюме толщиной в «Войну и мир». Но с ней тоже приключилась беда прямо перед собеседованием. Внезапная госпитализация. Что там у неё было? Не помню, да и неважно уже. Судьба — злодейка, правда? Я просто устранила конкурентку. Избитая фраза — ничего личного, просто бизнес.

И вот — финал. Собеседование. Я играла «Тургеневскую девушку», попавшую в жернова капитализма. Глазки в пол, дрожащие ресницы, тихий голос, скромная одежда. Полная покорность и скрытый трагизм. Марвин, при всех его регалиях, купился. Он же Спасатель. Ему нужно кого-то опекать, кого-то наставлять. Я дала ему эту возможность. Я стала идеальным зеркалом для его эго. Я применила пару техник НЛП — подстройка по дыханию, якорение, легкий транс. Он поплыл. Он сам не понял, как подписал оффер. Он думал, что делает доброе дело.

Вуаля. Я здесь. Стою за стойкой из каррарского мрамора, управляю его расписанием и поливаю его орхидеи. Магии нет. Есть только знание человеческой природы и отсутствие тормозов. Всё просто. Для меня.

Марвин ворвался в приемную через пять минут после меня. Не вошел — именно ворвался. Словно за ним гнались черти, кредиторы или собственная совесть. Взгляд остекленевший, бешеный, направленный внутрь себя. Обычно он здороваётся, даже если небо падает на землю (этикет — это смазка для шестеренок социума), но сегодня система сбои-

ла. Кивок — резкий, механический, как у робота. И спина, скрывающаяся в кабинете. Никаких «Хай, Зиния».

Ну и славно. Меньше всего мне хотелось слышать, как он жует мое имя своей англосаксонской челюстью, превращая хорошее, красивое имя в пластилин. Я машинально подошла к кофемашине. Ритуал есть ритуал. Даже если жрец сошел с ума, жертва должна быть принесена. Поставила чашку на край его стола. Ноль реакции. Он долбил по клавишам ноутбука с такой яростью, как будто хотел пробить корпус и достать до материнской платы. Меня в комнате не было. Я была текстурой, призраком, мебелью. «Хрен с тобой, старый придурок», — подумала я без злости, просто констатируя факт. Развернулась и вышла.

Села за стойку. Ждем. Я умею ждать. Это не пассивное состояние, как думают многие. Ждать — это как держать тетиву натянутой. Мышцы горят, но пальцы не дрожат. Есть такая избитая поговорка: «Нет ничего хуже, чем ждать и догонять». Глупость, придуманная теми, кто вечно опаздывает. Ждать — это позиция силы. Ты в засаде, ты контролируешь время. А вот догонять... Догонять я не пробовала. Но убегать, когда тебя загоняют, как зверя — это я знаю. Это действительно паршиво.

Десять минут тишины. Потом дверь офиса распахнулась. Сначала — авангард. Два «шкафа» в одинаковых костюмах, с одинаково пустыми лицами и проводами в ушах. Они вошли синхронно, просканировали периметр взглядами, в ко-

торых интеллекта было не больше, чем в банане, только алгоритмы распознавания угроз. Чисто.

И тогда в приемную медленно и грациозно вплыла Она. Миссис Эшли. Танк класса «Люкс». Дорогой брючный костюм, который стоил как моя жизнь (и, возможно, почка в придачу). Осанка королевы, идущей на эшафот, чтобы лично казнить палача. И запах... Она пахла не духами. Она пахла химической атакой. Тяжелый, сложный, удушающий аромат — мускус, амбра и что-то цветочно-ядовитое. Так пахнут хищные растения в джунглях, приманивая мух. Мне захотелось зажать нос, но я лишь вежливо улыбнулась.

А в кильватере, покорно, как баржа на буксире, плелся мистер Эшли. Муж. Лет под шестьдесят. Наверное, когда-то его можно было бы назвать красивым. Костюм сидит безупречно, галстук подобран идеально, но внутри костюма — пустота. От него не пахло ничем. Даже страхом. От него фонило вакуумом. В его глазах читался немой вопрос, распадающийся на три составляющие: «Зачем?», «Что я здесь делаю?» и «Когда мне разрешат умереть?». Впрочем, насчет смерти — это я додумала. Скорее, он просто хотел исчезнуть. Стать прозрачным.

Процессия проследовала в кабинет. Дверь захлопнулась, отрезая их от мира. Охрана вышла в коридор — держать внешний периметр, чтобы ни одна мышь не проскочила к телу хозяйки. Я осталась одна. Тихо, как тень (мыши шуршат, а тени — нет), я скользнула к двери кабинета. Ухо к поли-

рованному дереву. Надежда умирает последней, но тут она сдохла мгновенно. Массив дуба, плюс звукоизоляция класса «А», которую Марвин ставил специально для VIP-клиентов. Глухо. Ни звука. Как будто они там не разговаривают, а общаются телепатически.

— Блять, — выдохнула я одними губами и ещё добавила слово, от которого у местных чопорных леди завяли бы уши. Ладно. Не нахрапом, так хитростью. Я вернулась за стойку. Игра только началась.

В их схеме что-то пошло не так. Алгоритм сбойнул. Мистер Эшли вывалился из кабинета минут через пять. Именно вывалился, словно его выплюнуло центробежной силой семейного скандала. Вид у него был... «красный, как огурец». Мамина присказка. Дурацкая, нелогичная, но прилипчивая. Пусть мамочке в аду будет прохладно, раз уж она научила меня такому фольклору. Он рухнул в кресло для гостей, сложил руки на коленях и замер. Поза провинившегося первоклассника, которого выставили в коридор подумать над своим поведением.

Я смотрела на него из-за монитора. Блин. До чего мужика довели. Ведь видно — там, под слоем страха и привычной покорности, есть хребет. Он когда-то был хищником. Властным, жестким. Чтобы такого превратить в тряпку, нужно обладать талантом уровня «Грандмастер». Миссис Эшли... Достойная соперница. Во мне шевельнулся азарт. Нездоровый, холодящий затылок. Это было чувство игрока, который ви-

дит за столом шулера экстра-класса и вместо того, чтобы уйти, решает повысить ставки. «Стоп, Ксюха, — одернула я себя. — Не дури. Адреналин — плохой советчик».

Я надела маску номер три: «Невинная овечка, сама любезность».

— Мистер Эшли? — голосок звенел подобно колокольчику. — Желаете кофе? Чай? Может быть... виски? Последнее я добавила шепотом, как сообщница.

Он мотнул головой. Лицо пошло красными пятнами. Не то стеснение, не то глубокий экзистенциальный «ахуй». Тишина висела минуты две.

Потом он вдруг решился. Встал и робко подошел к стойке.

— Извините, мисс?.. — проблеял он. Голос дрожал.

— Ксения, — подсказала я мягко.

— Мисс Зиния... — (Опять. Господи, опять эта Зина из сельпо. Я даже бровью не повела). — А вы давно здесь работаете?

Классика. Разговор завязался сам собой. Ему просто нужно было выговориться хоть кому-то, кто не смотрит на него как на пустое место. Он рассказал о себе. Сбивчиво, но суть я уловила сразу: поставки сложной электроники, госконтракты, уровни допуска. Жирная рыба. Очень жирная. В ответ я скормила ему Легенду №4. «Бедная девушка из Восточной Европы. Беженка. Кровавый режим. Узурпатор. Снег, медведи, отсутствие демократии». Американцы это обожают. Это чешет их чувство собственного величия. Спасти бедную бе-

люю девочку от тоталитаризма — это же практически национальная идея. Он поплыл. Растаял, как дешевый пломбир на асфальте в полдень. В глазах появилось что-то осмысленное. Желание... защитить? Или просто купить? Неважно.

— А можно... — он покраснел так, что стал похож на переваренного рака, — можно ваш телефон? На всякий случай. Вдруг мне понадобится... консультация. Я выдержала паузу. Изобразила смущение. «Девственница в кубе». Недоступность повышает цену актива.

— Ну... я не знаю, удобно ли это... — пролепетала я, опуская ресницы.

— Прошу вас, — он настаивал.

Я сдалась. Диктуя цифры, я видела, как дрожат его пальцы, забивающие контакт.

Мы успели буквально в последнюю секунду (дура, меньше надо было болтать!). Он нажал «Сохранить» в телефоне ровно за мгновение до того, как массивная дубовая дверь распахнулась. На пороге стояла Она. Миссис Мегера. То есть, простите, конгрессвумен Эшли. Сцена была достойна финала мыльной оперы: муж, склонившийся над юной красоткой. Она замерла. Её взгляд скользнул по мужу — так смотрят на нагавившего кота. А потом переполз на меня. И вот тут меня пробрало. В этом взгляде не было ревности. Там была абсолютная, холодная власть и обещание ядерной зимы.

Впервые за шесть с лишним лет — после той ночи с мамой — мне стало по-настоящему страшно. Я думала, у меня им-

мунитет. Оказалось — нет. Она кивнула мужу на дверь кабинета. Молча. И он поплелся обратно, как зомби. А я осталась стоять, чувствуя, как по спине бегут ледяные мурашки. Кажется, я только что дернула тигра за усы. И тигр это заметил.

Глава 3

Опасность я чувствовала не «пятой точкой». Это слишком смешно для ситуации, когда твоя жизнь висит на волоске. Настоящую угрозу чувствуешь солнечным сплетением. Там словно открывается черная дыра, в которую со свистом улетает уверенность. За дубовой дверью происходило нечто, недоступное моим ушам, но очевидное моему инстинкту. Мой план, такой красивый и геометрически выверенный, трещал по швам. Как дешевая ткань.

Эта женщина... Миссис Эшли. Если она захочет — она меня не просто уволит. Она меня сотрет. Размажет, как неосторожного таракана, рискнувшего выползти на обеденный стол. Даже не поморщится. У неё для этого есть всё: деньги, связи, статус. Тяжелая артиллерия против перочинного ножичка. Мистер Эшли — актив, безусловно, золотой. Жирный карась. Но риск... Риск такой, что впору сушить весла. Марвин за меня не вступится. Я здесь — без году неделя, временный персонал, расходный материал. А она — сила, с которой он обязан считаться, если не хочет, чтобы его лицензию аннулировали где-нибудь в кулуарах Конгресса.

«Думай, дура, думай», — приказала я себе. Время утекало, как песок. Секундная стрелка на настенных часах, казалось, зачитывала мне приговор. Нажимать на стандартные для меня кнопки — с этой Мегерой бесполезно. У неё попро-

сту нет этих кнопок. Отсутствуют по определению. На заводе забыли вставить, впрочем, как и мне. Давить на жалость? Бесплезно. Эта баба сама кого хочешь пожалеет так, что костей не соберешь.

Остается одно. Прыжок веры в пустой бассейн. Тот самый извечный русский «авось», который заменяет нам и стратегию, и тактику, и здравый смысл. Я идиотка. Самоуверенная дрянь, которая решила, что схватила бога за бороду. Зачем полезла в клетку с тигром, имея в руках только прутик? Но теперь поздно. Теперь я — игрок, который поставил на zero всё, включая собственные почки.

Я действовала быстро. Расстегнула манжету блузки на левой руке. Теперь - схватить запястье. Я сжала кожу и крутанула. Сильно. До боли, до красных пятен, до слез из глаз. Боль — это хорошо. Боль — это лучший грим. На запястье расцветало красное пятно, похожее на след от грубого мужского захвата. Теперь блузка. Верхняя пуговица. Рвануть так, чтобы нитки затрещали, но пуговица осталась висеть на честном слове, открывая ключицу чуть больше, чем положено по дресс-коду. Не вульгарно, нет. Именно — неаккуратно. Как будто кто-то дернул.

Зеркало не нужно. Я знаю эту маску. Маска №12 (моя любимая, но редко используемая): «Испуг, переходящий в отчаяние». Глаза на мокром месте, ноздри трепещут, дыхание учащенное. Жертва, которая пытается сохранить лицо.

Дверь распахнулась. Они вышли. Я стояла, втянув голову

в плечи, прижимая к груди папку с бумагами — классический жест защиты. Миссис Эшли... Я про себя уже окрестила её Мегерой. Она скользнула по мне взглядом — равнодушным, холодным, как у рептилии. Но через секунду зрачки расширились. Она увидела. Красное запястье, которое я «неуклюже» пыталась спрятать в рукав. Оторванную пуговицу. Мокрые ресницы.

Она резко повернула голову к мужу. Мистер Эшли застыл соляным столбом. На его лице, поверх вечной тоски, проступило искреннее, детское недоумение. Он хотел что-то сказать, открыл рот... и покраснел. Опять. Для меня это было смущение. Для неё — признание вины. Пазл сложился. В её голове, разумеется.

Миссис Эшли не сказала ни слова. Слова — это для плембеев. Она сделала вывод. Её муж — не просто тряпка. Он — похотливая тряпка, которая распускает руки в приемной психолога. Это было ей понятно. Это укладывалось в её картину мира, где все мужчины — животные. Марвин, провожавший их, перевел взгляд на меня. Нахмурился. Увидел пятно на руке. Его брови поползли вверх. В глазах мелькнула тень... понимания? Жалости? Отлично. Этот спектакль был, по большей части, для него, чтобы не принимал скоропалительных решений.

— Мы придем завтра. В двенадцать, — бросила конгрессумен. Голос звучал как удар хлыста. Это не обсуждалось. Никаких «пожалуйста». Никаких «если у вас есть окно». Ей

было плевать на график, на других клиентов, на самого Марвина. Сейчас она видела перед собой кучу грязи, которую нужно разгрести, и мужа-идиота, которого нужно выдрессировать заново.

Они вышли. Дверь захлопнулась, отсекая шлейф её тяжелых духов. Марвин медленно повернулся ко мне. Он собирался устроить мне разнос (как минимум). Я знала это. Он хотел спросить, какого черта я устроила цирк с телефоном, но теперь он видел перед собой не наглую секретаршу, а дрожащую девочку с синяком на руке. Мой спектакль спутал ему все карты, опрокинул стол и поджег казино. Антракт окончен. Начинается второй акт.

Дальше начался моноспектакль (тот самый второй акт). Шоу одного актера. Импровизация — удел дилетантов, а профессионалы готовят импровизацию заранее, выверяя каждый вздох, каждую слезинку по секундомеру. Переигрывать было нельзя. Ни в коем случае. Напротив сидел Зубр. Волчара. Человек, который больше двадцати лет копается в чужих мозгах, как механик в промасленных движках. Через него прошли тысячи: истерички, лжецы, манипуляторы, настоящие психи и те, кто только притворяется. Марвин чувствует фальшь кожей. И у него на неё аллергия.

Но есть нюанс. Ложь, сотканная из лжи, рассыпается мгновенно. Это карточный домик. Идеальная ложь — это сплав. Девяносто процентов чистой, рафинированной правды. И только десять процентов — яд. Те самые десять про-

центов, которые меняют полярность, превращая жертву в палача, а палача — в жертву. Это высший пилотаж. Это не ремесло, это искусство. И этим искусством я владела в полной мере.

В кабинете царил полумрак. Жалюзи опущены, отсекая суетный мир. Марвин налил мне чаю. Не ту бурду из пакетиков, что пьют в офисе, а настоящий Да Хун Пао из своей личной коллекции. Густой, пахнувший землей, дымом и очень большими деньгами. Расщедрился. Знак хороший. Значит, стрела пробила хитин и вошла в мягкую, податливую плоть.

Он потянулся к бару.

— Виски? Чтобы успокоить нервы?

Я мотнула головой. Испуганно, резко. — Нет. Пожалуйста, нет.

Марвин смутился, убрал руку. Отчасти это была правда. Я не пью, почти не пью (только если для дела крайне необходимо). Алкоголь на меня действует неправильно. У нормальных людей он снимает барьеры и вызывает эйфорию. У меня он отключает эмулятор человечности. Вместо веселья приходит ледяная, черная тоска и глухая агрессия. Пьяная социопатка — это страшно даже для самой социопатки. «Синий экран смерти» в голове. Но для Марвина я — невинный цветок, который просто боится «огненной воды». Пусть видит испуганного ребенка, а не самку, которая контролирует ситуацию.

Он начал говорить. Дежурные фразы о безопасности, о

том, что здесь меня никто не обидит. Профессиональный бубнеж, работающий как белый шум. В этот момент я отпустила контроль над слезными железами. Не рыдать. Боже упаси. Истерика раздражает. Одна слеза. Тяжелая, соленая капля, скатившаяся по щеке и упавшая в чашку с чаем. Круги на воде. Марвин замолк. Он понял: «успокоительное» не работает. Травма глубже.

— Зиния... — его голос стал мягче, тише. — Расскажи мне. Что он сделал?

Я шмыгнула носом. Подняла глаза. Взгляд затравленного зверька, который ждет удара.

— Он... сначала всё было нормально... — голос дрожал, срывался на шепот. — Спрашивал, как меня зовут. Откуда я. Я думала, ему просто скучно... А потом... Пауза. Глоток воздуха, будто мне не хватает кислорода.

— Он попросил телефон. Я сказала «нет». Сказала, что это против правил. А он... он начал кричать. Тихо так, злобно, почти шипел. Сказал, что я никто. Что я беженка, строю из себя недотрогу. Сказал, что один звонок — и меня депортируют обратно в этот ад... Слезы потекли быстрее. Две дорожки. — Я хотела уйти. А он схватил меня за руку. Вот здесь, — я потеряла красное запястье. — И... пытался...

Я не договорила. Закрыла лицо ладонями, и плечи затряслись в беззвучном плаче. Тушь (водостойкая, но я её немного растерла пальцами) оставила на щеках трагичные черные следы. Марвин сидел с каменным лицом. Он был в шоке. Бо-

гатые старые козлы, считающие, что им всё дозволено — это вписывалось в его картину мира. Это был архетип, в который он поверил сразу.

И тут, на пике, пока он не успел начать анализировать, я ударила «Тяжелой Бертой». Бэкстори. Сквозь всхлипы, сбивчиво, перескакивая с пятого на десятое, глотая окончания слов, я вывалила на него свою «биографию». Сиротка из медвежьего угла где-то в далекой, заснеженной России. Мать-алкоголичка, избивавшая до полусмерти, запиравшая в чулане, а позже сгоревшая заживо (и это чистая правда: она действительно сгорела, но о деталях история умалчивает). Детдом, где выживают только волки. Приемная семья. «Добрый» приемный папаша, который приходил ко мне в спальню, когда мне было двенадцать. Снова детдом. Снова приемные семьи, бравшие меня ради пособия и бесплатной рабсилы. Голод. Холод. Унижение.

Я рисовала картину классического «синдрома жертвы». Марвин знал этот диагноз. Ему ли не знать. Жертва, которая бессознательно притягивает насилие, потому что не знает другой модели поведения.

— Я думала, здесь всё будет иначе... — шептала я, глядя в пустоту. — Это же Америка. Свобода. А оно опять... Опять...

Марвин молчал. Он не перебивал. Он слушал, и я видела, как в его профессиональном мозгу щелкают тумблеры. Жалость смешивалась с профессиональным азартом. Он больше не видел во мне просто секретаршу. Он видел сломанную

куклу, которую он, Великий Доктор Марвин, обязан починить и защитить.

Цель захвачена. Ракеты наведены. Бинго.

Куй железо, пока горячо. Или, как говорят в этом городе: «Закрывай сделку, пока клиент не опомнился». Я решила добить его. Контрольный в голову.

Я подняла лицо. Тушь — черные ручьи на бледной коже. Губы дрожат (мелкая моторика, тренируется перед зеркалом за два вечера).

— Доктор Марвин... — шепот, готовый сорваться в беду. — Что же мне делать? Я не знаю... Смогу ли я теперь приходить сюда? Смотреть на эту дверь? Пауза. Глоток воздуха. И — главное блюдо.

— А может... — я заговорила быстро, глотая слова, не давая ему вставить реплику. — Может, это я сама виновата? Может, я его спровоцировала? Вид слишком вызывающий? Юбка? Блузка? Я ведь не хотела, честно...

Это называется «инверсия вины». Безотказный прием. Когда жертва начинает винить себя, у «Спасателя» срывает предохранители. Его накрывает волной праведного гнева и желания защитить.

Марвин предсказуемо поплыл.

— Зиния! — он даже привстал. — Не смей так думать! Это чушь! Ты ни в чем не виновата! Он начал рассыпаться в клятвенных заверениях о том, что я всего лишь невинная жертва, а после попросил называть его просто Стивом.

— Ну как можно... — пролепетала я, округлив глаза. — Субординация...

— Я настаиваю. Стив. Просто Стив. Доктор Марвин только при клиентах.

Всё. Барьер сломан. Мы больше не «босс и подчиненная». Мы — «союзники». Дальше пошли трофеи. Компенсация морального вреда (щедро). Индивидуальные сеансы терапии в течение месяца (бесплатно, разумеется). Я кивала. Терапия — это отлично. Это легальный способ копаться в его мозгах, пока он думает, что лечит мои. И, наконец, вишенка на торте.

— Я хочу подписать с тобой постоянный контракт, Зиния. Никаких испытательных сроков. Полная ставка, страховка, бонусы, обещал помочь с грин-картой вместо рабочего пермита. Ты нужна мне здесь! И снова бинго! Слот закреплен.

От денег я, конечно же, отказалась. Сделала оскорбленное лицо: «Я не продаю свои слезы». Марвин оценил. В его системе координат благородство ценится дороже наличных. Ничего, Стив. Я возьму с тебя потом. И гораздо больше, чем ты предлагал.

А потом его прорвало. Адреналин требовал выхода, и Марвин начал говорить. Он читал лекцию. Для меня. Он препарировал миссис Эшли, как лягушку на уроке биологии.

— Классическая триада, — вещал он, расхаживая по кабинету. — Нарциссизм, макиавеллизм и психопатия. Полное отсутствие эмпатии. Она не чувствует людей, Зиния. Для неё люди — это функции. Механизмы. Она не знает, что такое

жалость, сострадание или любовь.

Я сидела, прижав чашку к груди, и слушала. «В точку, док, — думала я. — Прямо мой портрет. Только я моложе и зубы у меня острее».

— А её муж... — Марвин махнул рукой. — Типичная жертва абьюза. Подавленная воля. Его отвратительная выходка с тобой — это не сексуальное влечение. Это сублимация. Попытка вернуть контроль. Доказать себе, что он еще мужчина, что он может властвовать над кем-то слабым.

— А она? — тихо спросила я. — Она его любит?

Марвин усмехнулся. — Любит? Зиния, такие люди не умеют любить. Это биохимия, которая им недоступна. Ей не нужен муж. Ей нужна её собственность. Взбрыкнувшая лошадь, которую нужно загнать обратно в стойло, запереть и повесить амбарный замок.

Я смотрела ему в рот. В моем взгляде читалось обожание и неподдельное восхищение неопита, внимающего пророку. Мужское эго — это такая штука... Даже если ты светило науки, ты все равно хочешь быть павлином перед молодой самкой. Против эволюции не попрешь. Он распустил хвост. Начал сравнивать Эшли со своей женой.

— Моя тоже... та еще штучка. Иногда мне кажется, что они из одного инкубатора... Осекся. Понял, что сболтнул лишнего. Нарушил протокол.

Ничего, Стив. Слово — не воробей. Я запомнила.

Он проводил меня до парковки. Увидел мою ржавую «бэ-

ху» и скривился, как от зубной боли.

— Негоже моей помощнице ездить на этом... ведре. Мы решим этот вопрос.

Я даже не стала отказываться (хотя на этом этапе стоило бы). Гордость — гордостью, а ездить на этой рухляди мне вусмерть надоело.

Домой я ехала уже в темноте (зато без пробок!). В салоне пахло старым пластиком и моей победой. Мне хотелось кричать. И я закричала. — ДА! Крик ударился в лобовое стекло, заметался по салону. Я сделала это. Крючок проглочен вместе с наживкой. Леска натянута. Теперь главное — не делать резких движений. Просто медленно, методично выматывать рыбу, пока она сама не всплывет брюхом кверху.

До своей норы я добралась на автопилоте. Батарейка села. Индикатор мигал красным. Со стороны кажется: ну что такого? Поплакала, соврала, построила глазки. Делов-то. Ошибаетесь. Ложь — это энергозатратный процесс. Это работа тяжелее, чем разгружать вагоны. Ты держишь в голове две реальности одновременно: ту, что есть, и ту, что ты создаешь. Ты контролируешь мимику, тембр голоса, моторику пальцев. Это сжигает глюкозу быстрее, чем кросс по пересеченной местности. Профессиональные актеры после премьеры выползают за кулисы полумертвыми. Я чувствовала себя так же. Выжатый лимон? Нет, скорее выжатая тряпка, которой помыли пол в вокзальном туалете.

Я рухнула на кровать прямо в одежде. Матрас пружинисто

скрипнул, принимая тушку. Туфли — долой. Левая полетела в угол, сбив комок пыли. Правая, описав дугу, едва не впечаталась в экран телевизора. Старого, пузатого, кинескопного монстра. В Москве такие вымерли, как мамонты, а здесь, в стране победившего капитализма, они всё еще доживают свой век в дешевых съемных квартирах. Пыль на экране такая, что можно рисовать пальцем.

Желудок скрутило спазмом. Чай Марвина был вкусным, но калорий в нем — ноль. Мозгу требовалось топливо. Срочно. В голове мелькнула предательская мысль о пицце. Горячей, жирной, с тянущимся сыром...

— Стоп, — сказала я себе вслух. Мне восемнадцать, в августе будет девятнадцать. Метаболизм пока работает как ядерный реактор, сжигая всё подряд. Но это пока. Жир — коварный враг. Он умеет ждать. «Garbage food», как говорят те местные, у кого хватает ума и денег не жрать всё подряд. Мусорная еда для мусорных генов. Нет. Мое тело — это мой основной актив. Мой стартовый капитал. Единственный ресурс, который пока принадлежит мне безраздельно. И у этого ресурса есть срок годности. Инвестировать в него дешевые углеводы — плохая бизнес-стратегия. Поэтому здесь по улицам и бродят эти толпы жиробасов. Смотреть противно.

Я достала телефон, щурясь от яркого экрана. Приложение доставки. Скролл. Бургеры, наггетсы, снова пицца, китайская лапша в жирном соусе... Нашла. Салат с микрозеленью (цена, конечно, за гранью...) и рыба на пару. Дорого.

Жаба внутри квакнула, но я её придушила. Это не трата. Это техобслуживание инструмента.

Палец потянулся к кнопке «Оформить». И в этот момент экран затрясся от вибрации. Входящий. Номер незнакомый. Код... кажется, Нью-Йорк, Манхэттен. Или Бронкс? Я всё ещё путаюсь в их географии. Палец завис. Рефлекс, выработанный годами жизни в России: незнакомый номер — это спам, мошенники, «служба безопасности банка» или соцпрос. Сбросить. Не брать. Палец пополз к красной иконке «Decline».

Но тут в голове щелкнуло, шестеренки, уставшие после долгого, тяжелого дня, снова пришли в движение. Интуиция. Тот самый «шепот», который иногда громче крика. Я замерла с вибрирующим телефоном в руке. А если?.. Неужели он решился? Мистер Эшли. Тряпка, о которую сегодня вытерли ноги все, кому не лень. Зачем? Наехать? Пригрозить судом за клевету? Или... Интересно. Сон как рукой сняло. Азарт, холодный и острый, вернулся в кровь. Как минимум — это информация, а отказываться от информации глупо. Информация — это патроны.

Я нажала «Асепт». Приложила телефон к уху. Молчала. Пусть говорит первым. Тишина в трубке длилась секунды три. Дыхание. Тяжелое, неуверенное.

— Good evening, miss Xenia... — голос глухой, словно он говорит из подвала или из шкафа. — Sorry for the late call... Извиняется. Ну надо же. Я улыбнулась потолку. Еще одна

рыба на моем крючке. Но эта уже всплыла. Брюхом кверху.

Глава 4

Мистер Эшли настойчиво попросил называть его Алекс. Я для проформы помялась — секунды три, не больше, — и милостиво согласилась. Переход на имена — это снятие первого контура защиты. Он сам снял броню и положил меч на землю. Глупо.

А потом он взял с места в карьер.

— Мисс Зиния... Кс... с-сения (ого! Он попытался произнести моё имя правильно и у него почти получилось)... Я всё понимаю. И я не сержусь. Зная свою жену... Это был единственный выход. Пауза. Тяжелое дыхание в трубку. — Эта сука, — он выплюнул это слово с такой ненавистью, что я невольно уважительно кивнула телефону, — она сегодня прямым текстом потребовала у Марвина вашего увольнения. Немедленно. Надеюсь, он этого ещё не сделал? А то я мог бы... помочь.

Ха. Значит, интуиция не подвела. Я успела подстелить соломку ровно за секунду до того, как меня столкнули с крыши. Я сжала телефон. Голос — в режим «Дюймовочка в беде».

— Ах, мистер Эшли... то есть, простите, Алекс... Я так виновата перед вами... Но поймите... Эта работа — мой последний шанс. Доктор Марвин не уволил меня. Пока. Но мне так страшно... Я всхлипнула. — Если меня вышвырнут... Что

мне делать? Жить в картонной коробке под мостом? Или... торговать собой? Последнюю фразу я прошептала так, будто она обжигала губы. И тут же, не давая ему опомниться, заплакала в голос.

Эффект разорвавшейся бомбы. Алекса прорвало. Он начал извиняться так сбивчиво и жарко, словно это он лично выгонял меня на панель.

— Жена успокоилась... Она больше не жаждет крови... Но я хочу загладить вину... Ужин. Один из лучших ресторанов. Мишленовские звезды...

Я слушала его и мысленно ржала. До коликов. Господи, мужики... Вам по пятьдесят-шестьдесят лет, вы ворочаете миллионами (а то и миллиардами!), управляете корпорациями, но стоит восемнадцатилетней соплячке пустить слезу и намекнуть на свою незащищенность — и вы превращаетесь в желе. Но смех смехом, а лед под ногами был тонкий. И он трещал. Внутренний голос — тот, что отвечает за выживание — орал сиреной: «Нельзя! Пошли его! Если Мегера узнает, тебе конец! Марвин не спасет, Господь Бог не спасет, тебя найдут в Гудзоне с тазиком цемента на ногах!»

Но был и другой голос. Голос жадности. Голос игрока, который видит, что шарик скачет возле zero, и хочет удвоить ставку. Это же ход в дамки. Сразу. Через всю доску. «Ксю, ты дура?» — спросила я себя. «Да, — честно ответила я. — Я непроходимая, жадная дура».

— Алекс... — пролепетала я. — Я боюсь вашей жены. Ес-

ли она узнает...

— Не узнает, — отрезал он. В голосе прорезалась сталь. Командирские нотки.

Откуда? Эхо давно забытого прошлого? Или просто тестостерон взыграл?

— Она улетела в Вашингтон. Вернется завтра утром. И у меня есть схема. Многолетняя, отработанная, железная. Даже если будет хвост — мы уйдем, без вариантов. Слово чести.

Схема у него есть. Джеймс Бонд недоделанный. Но Вашингтон... Это меняло дело. Клетка открыта, тигр ушел на охоту в другие джунгли.

— Ну... я не знаю... Это неудобно... Что вы обо мне подумаете...

— Мисс Зиния, это только ужин! Ужин и ничего больше. Клянусь!

— Хорошо... — я сдалась. — Только... мне совершенно нечего надеть. В такой пафосный ресторан... И это, наверное, дорого... Может мы пойдем... ну, куда-то попроще? Удар ниже пояса. Удар по его самолюбию, а заодно и по кошельку, который сейчас буквально изнывал от желания раскрыться.

Предложение последовало незамедлительно: «небольшой шопинг» по дороге. Как часть «искупления». В его голосе слышалось ликование охотника, который думает, что загнал дичь, хотя на самом деле это он сам лезет в капкан. Машина через полчаса.

Я нажала отбой. И заметалась по квартире. Голос разума, пытавшийся вякнуть про риски, я заткнула пинком под лавку. Я игрок. Я в игре. А победителей не судят (их, правда, иногда отпевают, но об этом подумаем завтра).

Так. Одежда. Гардероб — обнять и плакать. Гребаная нищета. Вещи пахнут дешевым порошком и безнадеей. Но нужно что-то... Эдакое. Невинность, но с намеком. Скромность, под которой угадывается порок. Я вывернула шкаф. Нашла. Платье-футляр, простое, но сидящее как вторая кожа. Макияж. Свежий. Стил «нюд». Самый сложный вид штукатурки — сделать вид, что ты не накрашена, но при этом выглядеть на миллион. Тон, хайлайтер, капля блеска. Семь минут. Я готова. Я выхожу на охоту. Хотя нет. Какая это охота? Охота — это когда есть риск остаться голодной. А здесь... Здесь просто сбор урожая.

Пока я ждала (семь минут — это вечность, если мерить их ударами сердца, и миг, если красишь губы), телефон ожил снова. Марвин. Десять вечера. В это время приличные боссы не звонят секретаршам, если только офис не горит или они не хотят пригласить их в сауну. Но Марвин — не такой. Он слишком труслив для харассмента и слишком осторожен для пожаров. Я ответила.

Голос у него был жидкий. Заискивающий. Тон человека, который хочет спихнуть проблему, но так, чтобы выглядеть благодетелем.

— Зиния... — начал он, и я услышала, как он мнетя на

другом конце провода. — Я тут подумал... Вы не хотели бы завтра взять выходной? Отдохнуть. Прийти в себя. После того, что случилось сегодня... Вам это просто необходимо.

Я выдержала паузу. — Да я вроде не собиралась... — пролепетала я растерянно. — Работа...

— Не волнуйтесь! — перебил он поспешно. — Выходной оплачиваемый. Полностью. Я говорю вам не как босс, а как психолог. Вам нужна декомпрессия. Погуляйте, подышите свежим воздухом...

Свежим. Что в Нью-Йорке, что в Ньюарке. Ага. Вдыхай таблицу Менделеева полной грудью, детка.

Всё было ясно как день. Старый лис просто чистит периметр. Он боится, что завтра, когда чета Эшли явится на сеанс (а они явятся, я уверена), и Мегера увидит меня в приемной — случится ядерный взрыв. Марвин не хочет осколков. Он хочет тишины. Что ж, это мне на руку. Видеть эту старую гримзу мне хотелось меньше всего. Пока что.

— Хорошо, доктор Марвин... то есть, Стив, — сказала я с придыханием. — Спасибо вам. Вы так добры. Огромное спасибо!

— Вот и отлично, Зиния! — в трубке послышался выдох облегчения. — До встречи в пятницу!

Отбой. Я отложила телефон и села на край кровати. Выходить рано нельзя. Пусть Алекс подождет внизу. Пусть понервничает, глядя на темные окна. Ожидание повышает ценность встречи.

Пока стрелки часов лениво ползли к дедлайну, меня накрыло. Америка. Страна великих возможностей и великих разочарований. Сколько судеб она перемолола своими жерновами? Миллионы. Но скольким она дала шанс, когда все двери были закрыты? Взять меня. Если бы я осталась там, за океаном, я бы сейчас не выбирала платье для ужина с миллионером. Я бы шила рукавицы в колонии где-нибудь под Мордовией. Десять лет. Минимум. Я косякнула. Возомнила себя богом, решила, что мне позволено всё, но плохо просчитала ходы. Партия зашла в тупик. Цугцванг. Пришлось сбросить фигуры с доски и бежать. Бросить всё. Схватить одного хмыря за... скажем так, за его самое уязвимое место, заставить организовать рабочую визу, билеты, легенду. Выжать его досуха и выкинуть. Он мне этого не простит. Никогда. И не только он. Путь назад мне заказан. Да не больно-то и хотелось, если честно.

Ностальгия? Я хмыкнула, глядя на трещину в штукатурке. Смешное слово. Болезнь людей, у которых память заменяет рассудок. Березки, матрешки, "духовность"... Для меня это пустой звук. Декорации. Есть старая поговорка: «Где родился, там и пригодился». Чушь. Истина звучит иначе: «*Ubi bene, ibi patria*». Где хорошо, там и родина. Мне хорошо там, где я побеждаю.

Конечно, Америка оказалась не тем глянцевым раем из голливудских фильмов. Здесь жестко. Здесь уровень сложности выкручен на максимум. Выживать здесь на порядок

труднее, чем в России. Там ты можешь договориться, дать на лапу, поплакать в жилетку. Здесь ты — юнит. Если у тебя нет страховки и кредитного рейтинга, ты — биомусор. Особенно когда ты одна. Без денег. Без связей. Чужая.

Кстати, о чужих. Ксения. С греческого — «чужестранка», «гостья». Или просто «чужая». Ирония судьбы. Мое имя — мой диагноз. Но вирус тоже всегда чужой для организма. Сначала. А потом он переписывает код клетки под себя. Америка, ты думаешь, что я здесь гостья? Ошибаешься, милая. Ты — моя. Просто ты пока об этом не знаешь. Ты большая, неповоротливая и самодовольная. А я маленькая, злая и очень голодная. Вопрос времени. Я так хочу. А если я чего-то хочу — это случается. Это закон моей физики.

Телефон в руке коротко дзынькнул. СМС (господи! Старпер, ты про ватсап не слышал?). «Машина внизу». Пора. Я встала, одернула платье и шагнула к двери.

Куртку я накинула прямо поверх платья. Март — месяц лживый. Днем он притворяется весной, а ночью кусает за лодыжки ледяным ветром. Лифт в нашем гадюшнике не работал. Он вообще работает по настроению, как капризная примадонна, так что пришлось спускаться пешком. Четыре этажа по лестнице, пахнувшей кошачьей мочой и жареным луком. Я шла осторожно, стараясь не сломать каблуки о выщербленные ступени. Туфли у меня одни, а ступенек много.

Вышла на улицу. У самого подъезда, сияя черным лаком в свете тусклого фонаря, стоял «Майбах». Он смотрелся здесь,

на фоне облупленного кирпича и мусорных баков, как инопланетный корабль, приземлившийся в свинарнике. Я поморщилась. В окне первого этажа (по-нашему он второй, у них зовется первым) шевельнулась занавеска. Родриго. Мой лендлорд. Жирная, потная сволочь, которая вечно ищет повод не вернуть депозит. Заметил. Теперь точно аренду поднимет. В его примитивном мозгу цепочка выстроится мгновенно: «Ссыкуха катается на лимузинах — у ссыкухи есть бабки — надо доить». Надо было попросить водителя ждать за углом. Но умная мысль, как водится, приходит опосля, когда дверь уже захлопнулась.

Водитель выскочил наружу. Костюм, галстук, рубашка белее моей совести (если бы она была). Распахнул заднюю дверь, кланяясь. Ну всё. Родриго сейчас калькулятором подавится.

— Прошу вас, мисс.

В салоне было пусто. Пахло дорогой кожей и озоном.

— А где... мистер Эшли? — спросила я, когда мы мягко тронулись, оставляя трущобы Ньюарка позади. Водитель посмотрел на меня через зеркало заднего вида. Взгляд пустой, профессиональный.

— Кто? Я не знаю никакого Эшли, мэм. У меня заказ: забрать девушку по адресу и доставить на Манхэттен. Ресторан «Le Bernardin». И всё.

Я откинулась на спинку. Конспирация. Уровень «Бог», часть вторая. Он даже водителя нанял вслепую. Или это во-

датель сервиса, который не задает вопросов. Ладно. Поиграем в шпионов. Мне же лучше — меньше свидетелей, меньше шансов спалиться.

Машина летела по мосту, глотая мили. Город огней приближался. «Le Bernardin». Я слышала про это место. Три звезды Мишлен, морепродукты, ценник такой, что можно купить подержанный автомобиль за стоимость ужина. Но мы не подъехали к парадному входу. «Майбах» свернул в переулок и мягко затормозил на заднем дворе, среди мусорных контейнеров (чистых, но всё же) и ящиков с тарой. Водитель вышел, открыл мне дверь.

— Приехали, мисс. И всё. Ни «до свидания», ни «было приятно вас возить». Просто выгрузил пакет и исчез. «Майбах» растворился в темноте, как призрак.

Я осталась одна у железной двери. Что за идиотские игры? Я уже начала жалеть, что ввязалась. Стоять в вечернем (ну, типа вечернем, сейчас же вечер) платье на задворках кухни — так себе удовольствие. Дверь лязгнула и открылась. На пороге возник тучный латинос в поварской униформе, но без колпака.

— Мисс Зиния?

— Допустим, — кивнула я, поеживаясь от холода.

— Следуйте за мной.

Мы прошли через кухню. Это было чрево Левиафана. Пар, шипение масла, звон ножей, крики на французском и испанском. Запахи здесь были густыми, плотными — рыба,

соусы, чеснок, пот. Десятки людей в белом метались, как муравьи, создавая кулинарные шедевры. На меня никто не смотрел. Я была просто телом, которое нужно провести из точки А в точку Б.

Латинос открыл неприметную дверь в конце коридора, и я шагнула в другую реальность. Тишина. Мягкий свет. Стены обиты шелком. Стол накрыт так, словно здесь ждут королевскую семью. Хрусталь, серебро, белоснежная скатерть. И Алекс. Он сидел во главе стола. Почти смокинг, бабочка, запонки сверкают. Он ждал. Спрятался в отдельном кабинете, куда есть вход через кухню. Умно. Никто не увидит, никто не сфоткает, никто не донесет жене.

Увидев меня, он вскочил.

— Зиния!

Я окинула его взглядом. И себя. Мое «скромное платье» на фоне этого великолепия и его парадного вида смотрелось... бедно. А где, собственно, обещанный шопинг? Где пакеты с логотипами, от которых у любой женщины учащается пульс? Пиздобол. Вот и верь богатым. За цент удавятся.

— Простите, — Алекс перехватил мой взгляд. — Насчет шопинга... не вышло. Технические накладки. Времени не хватило всё организовать безопасно. Но я пришлю каталоги! И вещи. Прямо домой. Сами выберете.

Я заставила кровь прилить к щекам. Это просто: задержи- ваешь дыхание и думаешь о чем-то стыдном. Или о том, как душишь этого жмота.

— Ну что вы, Алекс... — промямлила я, опуская глаза и теребя подол. — Просто... вы такой нарядный... А я... в этом... Голос дрогнул.

Чувство вины — это крючок, на котором можно держать слона. Алекс тут же начал рассыпаться в извинениях. Он готов был ползать на коленях. Обещал искупить, загладить, озолотить. «Давай-давай, — думала я. — Пой, ласточка, пой. Слова стоят дешево. А вот сумочка от Биркин — дорого».

Ужин был странным. Официантов не было. Еду приносил тот же молчаливый латинос, возникая из ниоткуда и исчеза в никуда. Алекс ухаживал за мной сам. Подливал вино (я только пригубила), накладывал деликатесы. Смысл в пафосном ресторане, если ты сидишь в бункере? С таким же успехом можно было заказать пиццу в мотель. Но Эшли, видимо, считал, что антураж и ценник в меню (которого не было) должны меня ослепить. Ну-ну.

Вечер прошел в режиме «театр двух актеров». Я играла «Сиротку». Скромную, испуганную роскошью, благодарную за каждый взгляд. Алекс... Алекс меня удивил. Куда делся тот потный, красный, трясущийся тюфяк из приемной?

Передо мной сидел уверенный, галантный, даже властный мужчина. Он шутил, рассказывал истории (не о работе, о путешествиях), и в его голосе звенел металл. Он распустил хвост. Без жены, без её давящего поля, он распрямился, как пружина. Кстати, о жене. За два часа — ни слова. Ни полслова. Будто её не существует, а он закоренелый холостяк. Он

умеет отсекаать лишнее. Психика делит жизнь на герметичные отсеки: здесь — бизнес и жена-мегера, здесь — вкусная еда и молодая девочка. И отсеки не пересекаются. Это хорошо. Это значит, что он не будет ныть. Но это также значит, что он опаснее, чем кажется. Я жевала какой-то божественный гребешок и смотрела на него из-под ресниц. Тюфяк оказался с двойным дном. Тем интереснее будет его вскрывать.

Надо отдать ему должное: он держался в рамках. Не лез с сальными намеками, не пытался коснуться руки «случайно». Он работал тонко — прощупывал почву. Спрашивал о прошлом, о жизни до Штатов. У меня на этот случай есть «Легенда Б». Она отлично стыкуется с «Легендой А» (для Марвина), но отличается деталями. Набор фактов тот же, но освещение другое. Если Марвину я показывала сломленного ребенка, то Алексу — гордую, но одинокую птицу, которую жизнь побила, но не сломала. Маска «Святой невинности» сидела как влитая. На суперклею. Отодрать можно только с мясом.

Я добавила немного загадочности. Щепотку, как специю. И слушала. Господи, как я его слушала. Так слушают пророка или любимого, вернувшегося с войны. Взгляд чуть снизу вверх, расширенные зрачки (расфокусируй зрение, и они расширятся сами), полуоткрытые губы. Никто и никогда его так не слушал. Его жена, вероятно, слушает только адвокатов и собственный голос. Он поплыл. Я видела, как в его глазах меняется выражение. От интереса — к очарованию. От очарования — к отторжению. От отторжения — к отчаянию. От отчаяния — к отчаянию.

рования — к зависимости. Капкан с грохотом захлопнулся. Дальше — голая техника. Даже скучно.

Мы вышли через черный ход в переулок. Алекс решил проводить. Джентльмен, чтоб его приподняло и шлепнуло. В переулке урчал двигатель. На этот раз — «Бентли». Твою мать, Эшли. Родриго с меня теперь живой не слезет. Ты бы еще вертолет посадил на крышу нашей хрущобы.

— Зачем так тратиться, Алекс... — прошептала я, кутаясь в куртку. — Можно было просто такси... Я сама себе поверила. Сама скромность.

Водитель открыл дверь. Я шагнула к машине, но Алекс не спешил прощаться. Он переминался с ноги на ногу, как школьник на первом свидании. Решался. «Ну же, — подгоняла я его мысленно. — Давай. Сделай глупость. Насадись на крючок по самые жабры». Но он молчал. Тюфяк.

Наконец, выдавил. Голос придушенный, сиплый: — Кс...кс-с.. Зиния. А может... продолжим? Съездим куда-нибудь? Погуляем? Ночной Нью-Йорк прекрасен...

Есть! Рефлекс сработал мгновенно. Кровь прилила к лицу. Шея, уши, щеки — всё залило краской. Это легко, если умеешь управлять дыханием и стыдом.

— Мистер Эшли! — я отшатнулась, словно он меня ударил. Никаких «Алексов». Дистанция. — Вы же обещали!

Я уставилась на носки своих туфель.

— Я так и знала, — голос дрожал, набирая обороты. — Вы думаете, если я бедная, нищая эмигрантка из России, то

меня можно купить за ужин? Что я готова на всё? Я знала, что не надо было ехать...

Руки — к лицу. Плечи — вниз. И — рыдания. Горькие, обиженные, детские.

— Я сама вызову такси! Спасибо за... за всё. Не звоните мне больше! Пожалуйста!

На Алекса было больно смотреть. Он пошел пятнами. Красный, белый, снова красный. Внутри я хохотала. Я вышла от восторга. Ему шестьдесят. Он ворочает миллионами. У него жена-мегера и корпорация. А передо мной стоит испуганный пацан, который разбил мамину вазу. Англосаксонская аристократия? Родословная длиннее рулона туалетной бумаги? Всё это шелуха. Под ней — обычный, испуганный самец, который боится, что спугнул добычу. Твою ж мать! Это я настолько крута или с ним что-то не так?

— Зиния... Мисс Зиния! — он лепетал, заламывая руки. — Я не хотел! Вы не так поняли! Я не имел в виду ничего *такого*! Я просто...

Я выдержала паузу. Пусть помучается. Пусть почувствует себя последним мерзавцем. — Не надо, мистер Эшли, — холодно бросила я, убирая руки от лица. В глазах — лед и осколки разбитого доверия. — Я всё поняла.

Он начал извиняться так, будто я — Папа Римский, а он — еретик. Он готов был рухнуть на колени прямо в грязь нью-йоркской подворотни. Пережимать нельзя. Пережмешь — сломается или сбежит от стыда. Я вздохнула. Сменила

гнев на милость.

— Мистер Эшли... Алекс. При звуке своего имени он встрепенулся, как феникс, вылезший из пепельницы. — Хорошо. Я вам верю. Но, пожалуйста... Я очень устала. Вы забыли, что сегодня было у Марвина?

— Да-да, конечно! — закивал он. — Водитель отвезет. Сейчас же. Можно... можно я позвоню? Просто узнать, что вы добрались. Ничего больше!

— Хорошо, — кивнула я, как королева, дарующая прощение холопу. — Но только узнать.

Я ехала в «Бентли», утопая в мягкой коже, и ликовала. Страна непуганых идиотов, как говорил один мой знакомый, там, на родине. Как они зарабатывают эти деньги? Как они управляют миром, если ими так легко управлять? Это какой-то сюр. Хотя нет. Америка сложнее России. Но в чем-то — проще. Здесь люди верят в правила. И когда ты нарушаешь правила, сохраняя их видимость, они теряются. Америка, ты ляжешь к моим ногам быстрее, чем я думала.

«Бентли» встал у подъезда. Родриго торчал в окне, как приклеенный. Его глаза-бусинки сканировали машину, оценивая её стоимость. «Смотри, жирный ублюдок, — зло подумала я. — Смотри и давь слюной. Скоро я свалю из твоей вонючей дыры».

Дома я рухнула. Сил не было. Батарейка на нуле. Завтра выходной. Слава Марвину и его трусости. Буду лежать, тупить в потолок и заказывать еду.

Звонок. Алекс. Мы проговорили полчаса. Выяснилось, что у нас «так много общего». Он любит джаз? Я тоже (терпеть не могу). Он любит старое кино? Обожаю (скукотища). Он чувствует себя одиноким в толпе? Боже, как я его понимаю! Я зеркалила его. Я возвращала ему его же мысли, только упакованные в красивую обертку моего голоса.

— Спокойной ночи, Зиния... — прошептал он в конце. Голос был такой, будто он сейчас стечет по стене жидким воском. Я едва сдерживалась, чтобы не заржать прямо в трубку.

— Спокойной ночи, Алекс, — пропела я медовым голоском.

Отбой. Телефон полетел на тумбочку. Шах и мат. Спокойной ночи, Ксюша. Ты заслужила этот сон.

Глава 5

Этой ночью мне приснился ад. Не тот, картонный, которым пугают детей в местных воскресных школах. И не тот, который я разыгрывала перед Пашей почти шесть лет назад. Помните этот спектакль? Я в Лизиной шелковой ночнушке, с плюшевым медведем под мышкой, лезу к нему в постель. Дрожащие губки, распахнутые глаза. «Ой, дядя Паша... мне так страшно! Мама приснилась... Она горит! Она вся в огне! Можно я полежу с тобой?» Тогда это была блестящая импровизация. Этюд на тему доверия. Мне было смешно. Я чувствовала себя кукловодом, дергающим взрослого мужика за ниточки инстинктов.

Сейчас мне было не до смеха. Сейчас она приснилась мне по-настоящему. Впервые с того дня, как превратилась в кучку пепла и строчку в полицейском протоколе.

Какого хрена? Я села на кровати, жадно глотая воздух. Сердце билось о ребра, как птица, втиснутая в тесную коробочку. Почему она снится? У меня что, отросла совесть? Или проснулось чувство вины, этот рудимент, который я ампутировала еще в детстве? Сгорела — и хрен с ней. Пусть горит. Вечно. В своем персональном аду, который она заслужила каждым днем моей жизни с ней. Мы там, конечно, встретимся. Но не скоро. У меня еще много дел здесь. Так чего тебе надо, мама? Зачем ты лезешь в мою голову?

Я провела ладонью по лбу. Холодный липкий пот. Пижама прилипла к спине, как вторая кожа. Простыни сбиты в ком. Я проснулась от собственного крика. Горло драло. Это как же я орала? Соседи не припрутся? Стены-то картонные. В комнате было тихо, только гудел холодильник и за окном, далеко, заходил на посадку очередной лайнер. Долбанный выходной. Я планировала этот день как праздник лени. Выспаться. Заказать еду. Тупить в потолок. А вместо этого — сеанс шоковой терапии от подсознания.

Уснуть не получалось. Я ворочалась, взбивала подушку, считала овец (которые горели), проклинала все на свете. Организм сдался только часам к восьми. Вырубил. Как будто кто-то невидимый нажал кнопку «выкл.» на пульте от моего мозга.

И тут же — снова. Стоило векам сомкнуться, как темнота ожила. Она стояла прямо передо мной. В том самом драном, засаленном халате. Волосы — факел. Лицо плавится, стекает воском на плечи, обнажая зубы. И голос. Тягучий, визгливый, ненавистный:

— Ксюююша... Доченька... Помогиии...

— Да чтоб тебя! — я подскочила, едва не свалившись с кровати. Солнце било в окно, но меня трясло. Настроение — ниже плинтуса. Ощущение такое, как будто меня всю ночь били мешками с цементом. Спать? Нет, спасибо. Спать теперь страшно. Там, в темноте, сидит цербер, которого я считала мертвым. Я поплелась на кухню. Кофе. Только кофе.

Черный, горький, противный. Но, чтобы смыть вкус пепла во рту, сойдет.

День был отравлен. Кофе — дешевый растворимый суррогат — только добавил горечи. Я сидела на кухне, сжимая чашку, и тосковала по офисной машине Марвина. Там кофе — это симфония. Здесь — помой. Пока я не могу позволить себе симфонию домой. Но ключевое слово — «пока».

Телефон на столе завибрировал, как припадочный. WhatsApp. Десятки сообщений. Я присвистнула. Ёж твою мышь. Алекс. Вот это его накрыло. Крючок вошел глубоко, пробил жабры и застрял в мягких тканях. Я, конечно, знала, что делаю, но такая скорость реакции... Подозрительно. Спишем на мягкотелость, приобретенную в долгом браке с тираном. Когда тебя годами держат на голодном пайке, ты набрасываешься на любую корку хлеба.

Я пробежала глазами по тексту. «Жена вернулась... Скоро едем к Марвину... Вчера был лучший вечер в моей жизни... Ты удивительная...» Угу. Отвечаем: «Доброе утро, Алекс! Мне тоже понравилось. Спасибо за чудесный вечер». Ни слова негатива. Никаких «ты меня обидел». Это уже отыгранная карта, теперь мы переходим во второй раунд — «Сближение». Пишу: «Плохо спала. Мигрень. Сегодня выходной, буду лежать». Ответ мгновенный: «Бедная девочка... Жаль, что не увижу... Выпей то-то и то-то...» Предсказуемо.

Кстати, он клинический идиот? Писать такое в мессенджере, когда рядом жена-параноик? Я набила сообщение,

стараясь, чтобы пальцы не дрожали от раздражения: «Алекс, если тебе не всё равно, что со мной будет — удаляй чаты. Пожалуйста. Я боюсь». Ответ прилетел сразу: «Не бойся, малышка. Это левый телефон. О нем никто не знает». «Малышка». Меня передернуло. Левый телефон. Ну, допустим. Игра в русскую рулетку, где в барабане три патрона из шести. Но я продолжаю нажимать на спуск.

Переписка помогла отвлечься от запаха паленой плоти, который, казалось, преследовал меня после сна. Итак, что мы имеем с гуся? Алекс от жены не уйдет. Кишка тонка. От таких женщин, как Мегера, уходят только вперед ногами. Если я начну давить, она меня сама раздавит. Значит, цель — не брак. Цель — ресурсы. Пощипать его? Сделать спонсором? Вполне. Но за это придется платить. Долго играть в «невинную сиротку» и «просто друга» не выйдет. Ему нужно не это. Ему нужно красивое, молодое тело.

Я отставила чашку. Секс. Для меня это слово звучит так же, как «колоноскопия». Неприятная, унижительная, но иногда необходимая медицинская процедура. Я читала книги. Я смотрела фильмы. Я видела, как люди сходят с ума, пишут стихи, убивают друг друга ради... чего? Ради трения слизистых оболочек? Ради выброса эндорфинов?

Я — инвалид. Бракованный юнит. У меня в заводской прошивке отсутствует драйвер, отвечающий за удовольствие от процесса. Я помню свой первый раз. Нет, это был не Паша. Он даже на это не мог решиться. Ну как же... малолетка, а

вдруг посадят? Плюс бесконечные моральные терзания. Это был другой «объект». После него. Ну и что в сухом остатке? Боль. Кровь. Стыд. И желание, чтобы это поскорее закончилось. Второй раз, третий... Боль ушла, осталась только скука и легкое отвращение.

Есть такая старая философская задача. Моя любимая. Та, что я тогда рассказывала Паше. Как объяснить слепому от рождения, что такое синий цвет? Ты можешь говорить про небо, про холод, про лед, про тоску. Ты можешь написать трактаты. Но он никогда не поймет. У него нет органа, чтобы воспринять синеву. Я — тот самый слепой. Мне говорят про оргазмы, про экстаз, про «земля ушла из-под ног». А я чувствую только нелепые телодвижения, запах пота и тяжесть чужого тела. Я пробовала сама. Скупила полмагазина игрушек в Москве. Плюс всякие там смазки, возбудители. Продащица смотрела на меня как на чокнутую нимфоманку, а я была просто исследователем, пытающимся починить сломанный механизм. Результат? Почти ноль. Чуть лучше, чем секс, но всё равно — всего лишь какое-то слабое физиологическое эхо, не стоящее затраченных усилий.

Но Алекс (и никто другой) этого знать не должен. Для него я буду богиней. Я умею имитировать. Я знаю, когда нужно выгнуть спину, когда закусить губу, когда вскрикнуть. Я изучила эту партитуру по нотам. Мужчины — примитивные существа. Им не нужен твой оргазм. Им нужно подтверждение их собственной крутизны. Когда ты корчишься в «экстазе»,

он видит не тебя. Он видит Себя — Альфа-самца, Полового Гиганта, Дарителя Блаженства. На это подсаживаются. Если он поверит, что способен доставить мне райское наслаждение (особенно если с женой или с любой другой женщиной у него всё уныло и по расписанию), он подсядет. Это привязывает крепче стальной цепи. Это снимает любые вопросы к себе: «Я ого-го! Просто эта баба фригидная сука, а вот с Ксюшей я — король!»

Процедура неприятная и унылая. Но я знаю техники, как сделать её максимально короткой для себя и максимально эффективной для «партнера». Потерплю. От меня не убудет. Тело — это инструмент, а инструмент нужно использовать по назначению. Он растечется по ковру и превратится в маленькую, счастливую лужицу у моих ног. А я... Я буду просто смотреть на потолок и считать трещины, пока он будет думать, что мы вместе улетели в космос.

Пока моего дражайшего Алекса препарировали в кабинете Марвина (кстати, нельзя забывать про приоритеты: Марвин — это главный квест, «Мейн», а Алекс — жирная «побочка», дающая много опыта и золота), я решила выползти на улицу. Сценарий «тупить дома» провалился с треском. Стены давили, а призрак горящей матери в углу — не лучший собутыльник.

Я втискивалась в узкие джинсы. Это был бой. Джинс — ткань честная, она не прощает ночных пицц. — Жирная дрянь, — прошипела я, застегивая пуговицу на вдохе. —

Больше никакого теста. Только вода, морковка, взвешенная на аптечных весах, и злость.

В этот момент в дверь постучали. Звонок приказал долго жить еще месяц назад. Родриго, ленивая скотина, кормит меня «маньянами» — завтраками. Мол, починю, мисс, обязательно. Ага. Когда рак на горе свистнет или когда я съеду. Я открыла. На пороге стоял курьер. Парень был увешан пакетами, как новогодняя елка игрушками. Глянцевые, плотные, с золотым тиснением. Они пахли типографской краской и дорогим магазином. Алекс. Хороший мальчик. Команда «Апорт» выполнена на отлично. Не соврал.

Курьер хмыкнул, увидев, как мои глаза превратились в два алчных блюда. Контраст между обшарпанным коридором, мной в джинсах «на выдохе» и пакетами ценой в его годовую зарплату был разительным.

— Мисс Зиния?

— Она самая.

— Распишитесь.

Я втащила добычу внутрь. Знаете, есть женщины, которые говорят: «Мне не важны подарки». Врут. Или дуры. Или просто им никто ничего не дарил дороже букета вялых роз. Я — женщина. Стоп. Я поморщилась. Ненавижу это слово. «Женщина». Оно тяжелое, потное, базарное. Детское воспоминание, врезавшееся в память, как осколок стекла: мы с мамой стоим в бесконечной очереди за чем-то, видимо крайне важным (хоть убейте, ни за что не вспомню, за чем, мне

тогда года четыре было). И какая-то свиная туша в берете орет визгливым голосом: «Женщинаааа! Фу. В этом слове слышится звон кастрюль, тяжесть авосек и полнейшая безнадега. Я — девушка. Или самка. Или хищник. Но не «женщина»».

Я вывалила содержимое пакетов на кровать. Шмотки — это не тряпки. Для таких, как я, это боекомплект. Это броня, камуфляж и оружие массового поражения в одном флаконе. Если умеешь стрелять, конечно. А я снайпер. Прокачалась еще на родине, в полевых условиях.

Итак, инвентаризация. Пассажир реально втюрился. Или просто решил залить чувство вины деньгами. Мне подходят оба варианта. *Prada. Gucci. Dolce & Gabbana. Louis Vuitton.* Логотипы плясали перед глазами. Я брала вещи в руки, ощущая фактуру ткани. Шелк, кашемир, тончайшая кожа. Здесь добра тысяч на пять баксов. Может, на семь. Я прикинула в уме: две мои развалюхи-«бэхи». И еще на бензин останется.

Платья. Юбки. Брюки идеального кроя. Сапожки, пахнущие так, что хочется их съесть. Ремень с пряжкой, которой можно убить. И шарфик. *Yves Saint Laurent.* Прозрачный, невесомый, как паутина, в которую попадают мухи вроде Алекса. Я накинула его на шею, глянула в мутное зеркало шкафа. Круть. Я даже подпрыгнула на месте. Кто там говорит, что у социопатов нет эмоций? Чушь собачья. Эмоции есть. Просто они у нас другие. У биомассы эмоции — это

липкий, приторный сироп: привязанность, сочувствие, умиление. У меня эмоции — это электричество. Чистый разряд. Радость обладания. Азарт победы. Холодное торжество, когда пазл складывается. Это как найти редкий артефакт в игре. Ты не любишь пиксели, но ты счастлив, потому что ты стал сильнее. Я провела рукой по гладкой коже сумки.

— Добро пожаловать домой, мои маленькие солдаты, — прошептала я. Армия укомплектована. Война продолжается.

Настроение рвануло вверх, как курс биткоина в лучшие годы. Эндорфины от обладания люксом — мощная штука. Они работают лучше любого антидепрессанта, смывая тяжелый осадок ночного кошмара. Я все-таки пошла гулять. Естественно, не в обновках. Гулять в Gucci и Prada по моему району — это всё равно что повесить на спину мишень с надписью «Ограбь меня, я сладкая булка». Это был бы самый короткий показ мод в истории Ньюарка, закончившийся в ближайшей подворотне. Поэтому — камуфляж. Джинсы (те самые, в которые я влезла с боем), бежевый свитер-оверсайз, на голове — небрежный пучок. Я — серая мышь. Я — часть пейзажа.

Парк Уиквахик. Я две недели ломала язык об это название. Индейцы, наверное, мстят белым людям через топонимику. Идти всего минут семь. Это мой островок безопасности. Здесь хорошо. Большой пруд, уточки (тупые, жирные, счастливые), старые деревья. Здесь можно дышать. Я села на скамейку у воды. Идиллия. Если, конечно, не считать Хай-

вей 22, который разрезает парк пополам, как шрам. Машины проносятся с ревом, напоминая, что тишина здесь — временная и искусственная. Рядом бейсбольное поле, но сегодня там пусто. Никто не лупит битами по мячам, никто не орет. Я смотрела на воду и почти верила, что жизнь удалась.

Вибрация в кармане сработала как дефибриллятор. Резко. Настойчиво. Сердце сжалось в жалкий дрожащий комочек. Кто? Марвин? Жалкий комочек внутри сжался уже до размеров точки. Интуиция — та самая, что живет где-то в районе затылка — взвыла сиреной. Жопой чую — подстава.

Я ответила сразу. Босса нельзя заставлять ждать. Даже если он сам, своей барской волей, выдал тебе (холопу) выходной. Дал — взял. Хозяин — барин.

— Алло?

— Зиния. Голос прохладный. С металлическим привкусом. Так говорит хирург, сообщая родственникам, что операция прошла неудачно. — Вы можете приехать в офис? Прямо сейчас.

Если до этого внутри просто похолодело, то теперь по спине пробежал, вернее даже — потоптался, полноценный мороз.

— Это «ж-ж-ж» неспроста, — пронеслось в голове голосом Винни-Пуха (мир праху его, бедный медведь не знал, в каком дерьме мы живем). Я не стала спрашивать «почему» или «что случилось». Лишние вопросы бесят.

— Да, конечно, — голос ровный, послушный. — Сейчас буду. Надеюсь, пробок нет. Марвин не попрощался. Про-

сто отключился. Гудки звучали как приговор. Приговор мне. Очень надеюсь, что не смертный.

Я побежала домой. Галопом. Мысли в черепной коробке метались, как осы в развороченном гнезде. Жалили изнутри. Всё? Доигралась, шлюха малолетняя? Коварная соблазнительница пензенского разлива. Мата Хари недоделанная. Он тебя уволит. Сейчас. С волчьим билетом. Что там произошло? Этот дебилоид Эшли раскололся? Ляпнул лишнее? Или Марвин — старый лис — применил гипноз? Если он вскрыл его под гипнозом, мне конец. Он выложит всё и мне ещё крупно повезёт, если по приказу этой старой бляди, его жены, меня просто депортируют, а не закатают в бетон фундамента нового торгового центра.

Бежать? Прямо сейчас. Схватить паспорт, деньги (те крохи, что есть) — и на автобус. Другой штат. Другое имя. Начать с нуля. Я сбилась с шага. Нет. Семь месяцев. Семь месяцев я грызла этот гранит, унижалась, строила схемы. Спустить всё в унитаз из-за одного звонка? А если тревога ложная? Если бы они хотели меня взять, звонил бы не Марвин. Мою дверь уже выносили бы те два шкафа из охраны старой сучары Эшли.

Я замедлилась, переходя с галопа на рысь. К дому подходила осторожно, крадучись. Сначала — разведка. Окна. Вроде целы. Стекла на месте, шторы не дергаются. Черных фургонов у подъезда нет. Глубокий вдох. В подъезд вошла спокойно. Лестница (лифт, разумеется, сдох). Этаж. Я за-

мерла у двери, сжимая ключи в потной ладонке. Бывает ли мне страшно? Да. Ещё как. Просто до усрачки. Особенно когда на кону моя шкура. Щелчок замка. Тишина. Квартира встретила запахом пыли и одиночества. Пусто. Ничего не тронуто. Меня немного отпустило. Ладно, погибать — так с музыкой. Я быстро переоделась (офисный стиль, броня, макиаж — пять минут). Бегом вниз, прыгая через две ступеньки. Машина завелась с четвертого раза. Старушка кашляла и сопротивлялась, словно не хотела везти меня на эшафот. Знак? Чушь. Я не верю в знаки. Я верю в плохие аккумуляторы и стартеры, которые давно пора менять. Я вырулила на трассу. Впереди — Нью-Йорк. И неизвестность.

Глава 6

Т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.